

А.Л. Янак

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОДИТЕЛЬСТВА И ОТЦОВСТВА В ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА

Рассматриваются основные тенденции и качественные изменения в развитии современного родительства. Приводится оценка данных трансформаций в рамках конкурирующих кризисной и трансформационной концепций развития семьи. Отмечается, что происходит перераспределение родительской нагрузки и функций между отцами, матерями и формальными институтами заботы, снижение «патриархальности» современной семьи при маскулинизации женщин. Обратным процессом служит девиация материнства и постепенная психологизация отцовско-детских отношений, распространение социальных практик вовлеченного, ответственного, рефлексивного отцовства, отцовских объединений как реальных (от ассоциаций до папа-школ и клубов), так и виртуальных (специализированные форумы, группы в социальных сетях), наблюдается повышение субъектности отцов, их стремление к наращиванию своей родительской компетентности. На фоне глобализации и общемировых тенденций в сфере семьи и брака подобные изменения видятся актуальными и оправданными. Делается попытка интерпретировать рассматриваемые тенденции и трансформации через категории постмодерна: «чистые» отношения в рамках трансформации интимности Э. Гидденса, «текущая» современность З. Баумана и макдональдизация общества Дж. Ритцера. Подчеркивается неоднозначность и неоднородность трансформации и плюрализации социальных практик отцовства, которые нельзя квалифицировать лишь как разрушение родительского и, в частности, отцовского субинститутов и развитие негативных феноменов («безотцовщина», конкубинатное отцовство, childfree) или сугубо как прогрессивное начало. Несмотря на довольно радикальные сдвиги, наблюдается преемственность, сохранение ценности семейных основ, родительства и детства. Необходимы постоянный мониторинг происходящих изменений, интеграция, конструирование и популяризация образа позитивного отцовства через СМИ и семейную политику.

Ключевые слова: семья, трансформация родительства, отцовство, материнство, родительские функции, кризис семьи, модернизация семьи, плюрализм социальных практик, постмодерн.

Современный субинститут родительства претерпевает серьезные изменения. Речь идет, во-первых, о его относительной автономизации (отделении от брака и родства, в совокупности составляющих основные и неотъемлемые атрибуты традиционной моногамной семьи); во-вторых, о трансформации отцовства и материнства, точнее их содержательного наполнения, при которой теряется «универсальность» и четкая дифференцированность материнских и отцовских функций, а на их место приходит эгалитарная, смешанная форма распределения родительских обязанностей; в-третьих, о многообразии моделей и типов отцовства и материнства, спровоцированном вариативностью организаций семейной жизни.

© Янак А.Л., 2018

Янак Алина Леонидовна – аспирант кафедры общей социологии и социальной работы ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», e-mail: alinayanak91@yandex.ru.

Эти изменения исследователи квалифицируют по-разному: одни считают, что трансформация материнства обуславливает изменение отцовства, рассматривая эти процессы как эволюционные или просто как вовлеченные в общую «воронку» всевозможных преобразований [1, 2], другие рассуждают о кризисе маскулинности и отцовства в рамках кризиса семьи [3–6]. Однако все ли так однозначно? Чем являются данные модификации: изменениями внутри семейной системы или радикальными трансформациями самой системы [7, с. 22–24]?

В рамках концепции институционального кризиса современной семьи альтернативные по отношению к традиционной моногамной семье вариации представляются как асоциальные формы, «распад целого на единицы одиночек» [8, с. 64], «осколки старой семьи», «свидетельство отмирания семьи вообще» [9, с. 34]. К негативной коннотации происходящих в семейной сфере изменений приводят устойчивые тенденции нестабильности и подвижности границ семьи (высокий процент разводов, нуклеаризация, рост и вариативность внебрачных партнерств, рождений и воспитательных практик), либерализация интимных отношений, распад коренной триады «супружество–родительство–родство», малодетность или бездетность. В контексте фамилистического направления изучения семьи отцовство, по сути, вообще не должно быть отдельным предметом разговора или исследования, а лишь контекстуально вписываться в рамки рассуждений о деградации родительства и семьи в целом.

В рамках трансформационной концепции развития семьи плюрализм семейных практик рассматривается как «один из элементов современной семейной системы», «не случайный и не раскрывший еще своего потенциала ландшафт», отвечающий требованиям модернизации общества и сфер его жизнедеятельности [10, с. 241–242]. С этой точки зрения, расширение знаний о типах родительских практик, распространяющихся в различных формах семейно-брачных отношений или вне их, видится необходимым и перспективным. При этом динамика трансформации и плюрализации подчеркивает наличие постоянной взаимосвязи между преемственностью и изменениями, длительное сохранение целого при преобразовании его составных частей [7, с. 136].

Трансформационные процессы, глобализация, плюрализация моделей организации жизни, высокий динамизм социокультурной эволюции, увеличение рисков являются одними из главных признаков постсовременной реальности, именуемой «рефлексивным модерном», «радикальным модерном» или «постмодерном» [11–14].

Э. Гидденс связывает трансформацию структуры властных отношений и распределения родительских функций между женщинами и мужчинами с разделением работы и дома (оплачиваемой работы вне дома и ведения домашнего хозяйства), осознанием важности эмоциональной составляющей родительно-детских отношений [12, с. 67]. Межличностные связи освобождаются от зависимости внешних факторов (традиции, родство, материальное поло-

жение) и обретают форму «чистых отношений», ценность которой заключается исключительно в ее внутреннем содержании: любовь, взаимные интересы, доверие, преданность. По мере того, как мужчины зарабатывали и продолжали господствовать вне дома и создавать «имидж» семьи, росли влияние и идеализация женщин в приватной сфере. Однако, включившись в производственные отношения и постепенно увеличив «публичную» нагрузку, женщины приобретают экономическую самостоятельность, укрепляют свои социальные позиции и стремятся совмещать рождение детей и профессиональное развитие. При этом за мужчинами сохраняется роль карьеристов и основных кормильцев, но теряется родительский авторитет, т.е. трансформацию гендерных и семейных ролей нельзя считать оформленной и завершенной. Просто репертуары феминности расширяются за счет приобретения маскулинных свойств, а маскулинность меняется медленнее, распадаясь на множество маскулинностей [3].

Постепенно распространяются практики «нового», «вовлеченного» отцовства. Одни исследователи отмечают, что ответственный отец пока остается инновацией, характерной исключительно для образованных мужчин среднего класса [15], другие считают вовлеченных отцов скорее желанным идеалом, нежели устоявшейся социальной практикой [16]. На наш взгляд, очевидно, что, например, увеличение доли монородительских отцовских семей в целом, особенно постразводных (сегодня примерно в 10–12 % случаев бракоразводный процесс заканчивается судебным решением оставить детей с отцами [17]); рост числа отцовских сообществ, в которых мужчины не только ищут поддержки в преодолении трудных ситуаций, но и стремятся повысить уровень родительской культуры, компетентности [18–20]; увеличение количества повторных браков и сводных семей (в основном с отчимами) [21] являются одними из примеров осознанного, психологизированного, «чистого» отцовства.

По мнению яркого теоретика постмодернизма З. Баумана, современность, подобно жидкости, стирает пространственно-временные границы, постоянно трансформируясь, не в силах остановиться, то растворяя и обтекая препятствия, то просачиваясь сквозь них [13, с. 8]. Общество постмодерна характеризуется не только плюрализмом культур и идеологий, постоянными изменениями, «эпидемией» потребления и растущих неутолимых потребностей, но и экстерриториальной властью СМИ, электронного пространства и виртуальной реальности. «Текучая» современность, кажется, стремится пренебречь долгосрочными и наполненными глубоким, тяжелым смыслом явлениями: брак на всю жизнь уступает место порой более прочным и «продуктивным» партнерствам или почти беспрепятственному разводу и одиночеству; расширенная семья и крепкие межпоколенные связи сменяются стремлением к нуклеарности и отделению; родительство и родство приобретают свойство номинальности и факультативности. Статус родителя нередко распадается, оспаривается или «перетекает» в другое состояние, связанное с воскресным посещением ребенка (нерезидентное роди-

тельство); отчуждением и отказом от родительства (внебрачные материнские семьи и «безотцовщина»); воспитанием чужих детей (усыновители, отчимы); ответственностью за адюльтер в конкубинатных отношениях, в которых есть ребенок. Желание потреблять как материальное (еда, одежда, автомобили, жилье), так и нематериальное (знания, компетенции, путешествия, развлечения) требует от молодых людей выбора – планировать детей и вписывать их в разработанный жизненный и семейный сценарии (откладывание родительства, пока не «встанут на ноги») [22] или принять решение о бездетности (идеология *childfree*). При этом СМИ часто подменяют счастье, семью, детей образами счастья, семьи и детей, виртуально насыщая потребности и мечты. В то же время рекламные, игровые и кинематографические образы порой, напротив, помогают конструировать положительные образы, например, разделяющих с мамами уход за детьми пап-«фрутонянь», «все могущих» пап и т.п. Кроме того, родители и, в частности, отцы, не имеющие доступа к родительским объединениям (отсутствие сообществ в городе, низкая информационная доступность), могут обсудить волнующие их вопросы в специализированных группах в социальных сетях, на тематических форумах. Онлайн-помощь – активно развивающийся и довольно востребованный сегмент социального сервиса.

Согласно теории макдональдизации общества Дж. Ритцера [14], современные социальные практики воспроизводятся по аналогии с принципами работы ресторанов быстрого питания: эффективность, калькулируемость, предсказуемость и контроль. Эти принципы взаимосвязаны и в смешанном виде могут выступать руководством к осуществлению родительских (отцовских) практик. Современные родители знают, сколько детей хотят и планируют деторождение, контролируя фертильность методами контрацепции и экономя временные, силовые и денежные инвестиции в будущее потомство. Выполнение отцовских функций, как правило, открыто контролируется матерями. Они же часто выступают главными цензорами отцовско-детского взаимодействия после развода. Семейная политика тоже претендует на роль контролера семейных отношений, особенно родительских и детских прав и обязанностей, однако сознательно частично или полностью упускает из поля зрения «неудобные», «бесперспективные» для государства, с точки зрения демографического воспроизводства и социально-экономического развития населения, семейные организации, например, молодые семьи, малодетные семьи, длительные сожительства с детьми, монородительские семьи. Ярким проявлением макдональдизации родительства, на наш взгляд, служит применение репродуктивных технологий для удовлетворения индивидуальных или семейных потребностей в ребенке. Это становится эффективным средством избегания предшествующих рождению ребенка этапов жизненного цикла семьи (если ребенок – самоцель), патологий беременности (так же, как кесарево сечение – патологий родов), обрести возможность воспитывать ребенка в гомосексуальном союзе (но не в рамках российского общества).

Актуальные тенденции и трансформации, сопровождающие процесс развития современного отцовства, по сути, соответствуют заданным траекториям общественных изменений. В частности, среди результатов данных трансформаций и трендов наблюдаются следующие:

- плюрализация социальных практик отцовства и высокий динамизм их «размножения»;
- появление инновационных отцовских социальных практик (например, отцовское монородительство, возникающее вследствие применения одиноким мужчиной репродуктивной технологии суррогатного материнства);
- процесс глобализации семейных тенденций и трендов и их экстраполяция на субинститут отцовства (в частности, из-за высокого уровня разводов, «популярности» сожительства как альтернативных семейно-брачных отношений, трансформации семейных ролей мужчины и женщины широкое распространение получают соответствующие отцовские практики: разведенные нерезидентные отцы; отцы, воспитывающие биологических и сводных детей в незарегистрированных супружеских союзах и повторных браках);
- выравнивание валидности материнской и отцовской ролей в результате гендерной трансформации, изменения социально-психологического наполнения и функциональных границ отцовства и материнства;
- тенденция к самоорганизации (повсеместное распространение отцовских движений, объединений, ассоциаций, групп само- и взаимопомощи, клубов, например, клуб одиноких отцов Краевого кризисного центра для мужчин (Алтай), правозащитная ассоциация разведенных отцов «Отцы и дети», ассоциация одиноких отцов «Мапулечки Москвы»);
- рост значимости виртуальной реальности в процессе поиска брачного партнера (интернет-знакомства, сайты знакомств для одиноких родителей), обсуждения проблем и поиска средств их решения, повышения уровня родительской компетентности (группы в социальных сетях, форумы, блоги – интернет-сообщества, позволяющие получать и/или оказывать помощь всегда в режиме реального времени, независимо от расстояний).

Так, современные условия требуют пересмотра и переосмысления традиционных социальных конструктов отцовства в результате перераспределения родительских функций. Отцы утрачивают свое экономическое и «имиджевое» превосходство в связи с включением матерей в формирование и распределение семейного бюджета, хотя сохраняют «звание» главного (основного) кормильца. Выполнение социализирующей и защитной функций разделяется с внешними институтами и субъектами заботы. Снижается отцовский авторитет, но одновременно с этим наблюдается повышение интереса отцов к внутрисемейному взаимодействию и качеству родительско-детских отношений, которые стали более эмоционально насыщенными. Одни исследователи склонны рас-

смачивать эти изменения в качестве кризисного явления, другие – модернизационного. Следует признать, что серьезные изменения семейно-брачной и родительской сфер не означают их отмирание или упадок: сохраняется ценность семьи, родительства и детства; несмотря на расширение карьерных притязаний женщин, большинство из них не отказываются от материнства и стремятся совмещать семью и профессиональную деятельность.

Теоретико-методологические основы постмодернизма легко накладываются на описание происходящих в родителстве и отцовстве изменений; помогают интерпретировать и проанализировать природу этих изменений. В качестве основных черт общества постмодерна теоретики выделяют: плюрализм культур и социальных практик; высокие темпы социокультурной динамики (активные изменения); важное значение СМИ, виртуальной реальности и их продуктов; углубление глобализации и открытости общества; либерализация интимной сферы жизни общества. Тенденции в развитии субинститута отцовства являются результатом и отражением общественных трансформаций и трендов, реакцией на них.

Необходимо улавливать и систематизировать дальнейшие изменения для объяснения и выработки механизмов интеграции и адаптации инновационных социальных практик отцовства, среди которых могут быть как негативные/деградационные, так и позитивные/эволюционные.

Список литературы

1. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – 325 с.
2. Кон И.С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 6. – С. 99–114.
3. Ильиных С.А. Множественная маскулинность // Социологические исследования. – 2011. – № 7. – С. 101–109.
4. Чикалова Е.А. Исследования отцовства и маскулинности: точки пересечения // Женщина в российском обществе. – 2012. – № 2. – С. 43–53.
5. Синельников А.Б. Супружество, отцовство и материнство в российском обществе // Социологический журнал. – 2015. – Т. 21, № 4. – С. 132–148.
6. Липасова А.Н. Отцовство в гендерных режимах развитых стран // Женщина в российском обществе. – 2016. – № 2 (79). – С. 34–47.
7. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
8. Антонов А.И. Действительно ли небо упало на землю? // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. – 1996. – № 3. – С. 60–65.
9. Антонов А.И. Семья – какая она и куда движется? // Семья в России. – 1999. – № 1-2. – С. 30–40.
10. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. – СПб.: Петрополис, 1998. – 272 с.

11. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь: пер. с англ. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
12. Гидденс Э. Трансформация интимности. – СПб.: Питер, 2004. – 208 с.
13. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
14. Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5 / пер. с англ. А.В. Лазарева; вступ. статья Т.А. Дмитриева. – М.: Праксис, 2011. – 592 с.
15. Чернова Ж.В. Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и семейной политики // Журнал исследований социальной политики. – 2011. – Т. 9, № 3. – С. 295–318.
16. Гафизова Н.Б., Смирнова Д.И. Отцовство как социальный феномен в полных и неполных семьях (вследствие развода) (на примере г. Иваново) // Женщина в российском обществе. – 2015. – № 3/4 (76/77). – С. 67–77.
17. Кузнецова О.В. Защита прав отцов по семейному законодательству // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 17 (372). Право. – Вып. 43. – С. 89–94.
18. Безрукова О.Н. Новые практики поддержки молодых отцов // Социальная работа: теории, методы, практика: материалы интернет-конференций и семинаров. – 2012. – № 2. – С. 20–22.
19. Янак А.Л. Роль социального работника в организации и проведении групповой терапии семейных кризисов (на примере отцовских семей) // Надежды: сб. науч. ст. студ. / под ред. З.Х. Саралиевой. – Нижний Новгород, 2015. – С. 174–181.
20. Малышев А.Г. Влияние гендерно-чувствительных социальных сервисов (папа-школ) на вовлечение отцов в заботу о детях // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки. – 2017. – № 1 (45). – С. 80–90.
21. Шевченко И.О. Сводные семьи: отношения и проблемы // Вестник РГГУ. Философия. Социология. Искусствоведение. – 2016. – № 4 (6). – С. 61–68.
22. Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные практики в современной России // Laboratorium. – 2010. – № 3. – С. 19–43.

References

1. Gurko T.A. Brak i roditel'stvo v Rossii [Marriage and parenthood in Russia]. Moscow, Institut sotsiologii RAN, 2008, 325 p.
2. Kon I.S. Meniaiushchiesia muzhchiny v izmeniaiushchemsia mire [Changing males in the changing world]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2010, no. 6, pp. 99–114.
3. Il'inykh S.A. Mnozhestvennaia maskulinnost' [Multiple masculinity]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2011, no. 7, pp. 101–109.
4. Chikalova E.A. Issledovaniia ottsovstva i maskulinnosti: tochki peresecheniia [Studies of fatherhood and masculinity: Points of intersection]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, 2012, no. 2, pp. 43–53.

5. Sinel'nikov A.B. Supruzhestvo, ottsovstvo i materinstvo v rossiiskom obshchestve [Marriage, fatherhood and motherhood in Russian society]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2015, vol. 21, no. 4, pp. 132–148.
6. Lipasova A.N. Ottsovstvo v gendernykh rezhimakh razvitykh stran [Fatherhood in gender regimes of the developed countries]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, 2016, no. 2 (79), pp. 34–47.
7. Sztompka P. The Sociology of social change [Shtompka P. Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii. Moscow, Aspekt Press, 1996, 416 p.].
8. Antonov A.I. Deistvitel'no li nebo upalo na zemliu? [Did the heaven really fall to the ground?]. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 1996, no. 3, pp. 60–65.
9. Antonov A.I. Sem'ia – kakaia ona i kuda dvizhetsia? [Family – what is it and where is it going?]. *Sem'ia v Rossii*, 1999, no. 1–2, pp. 30–40.
10. Golod S.I. Sem'ia i brak: istoriko-sotsiologicheskii analiz [The family and marriage: Historical-sociological analysis]. Saint Petersburg, Petropolis, 1998, 272 p.
11. Giddens A. Runaway world: how globalization is reshaping our lives [Russ. ed.: Giddens E. Uskol'zaiushchii mir: kak globalizatsiia meniaet nashu zhizn'. Moscow, Ves' mir, 2004, 120 p.].
12. Giddens A. The transformation of intimacy [Russ. ed.: Giddens E. Transformatsiia intimnosti. Saint Petersburg, Piter, 2004, 208 p.].
13. Bauman Z. Liquid modernity [Russ. ed.: Bauman Z. Tekuchaia sovremennost'. Saint Petersburg, Piter, 2008, 240 p.].
14. Ritzer G. The McDonaldisation of society [Russ. ed.: Rittser Dzh. Makdonal'dizatsiia obshchestva 5. Moscow, Praxis, 2011, 592 p.].
15. Chernova Zh.V. Kto, o kom i na kakikh usloviakh dolzhen zabotit'sia? Gendernyi analiz rezhimov zaboty i semeinoi politiki [Who should take care of whom and on what conditions? Gender analysis of work modes and family policy]. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki*, 2011, vol. 9, no. 3, pp. 295–318.
16. Gafizova N.B., Smirnova D.I. Ottsovstvo kak sotsial'nyi fenomen v polnykh i nepolnykh sem'iakh (vsledstvie razvoda) (na primere g. Ivanovo) [The fatherhood as a social phenomenon in complete and incomplete (due to divorce) families (the example of Ivanovo)]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, 2015, no. 3/4 (76/77), pp. 67–77.
17. Kuznetsova O.V. Zashchita prav ottsov po semeinomu zakonodatel'stvu [It is sewn up the rights of fathers by the family legislation]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, 2015, no. 17 (372), iss. 43, pp. 89–94.
18. Bezrukova O.N. Novye praktiki podderzhki molodykh ottsov [New practices for young fathers support]. *Sotsial'naiia rabota: teorii, metody, praktika*, 2012, no. 2, pp. 20–22.
19. Ianak A.L. Rol' sotsial'nogo rabotnika v organizatsii i provedenii gruppovoi terapii semeinykh krizisov (na primere ottsovskikh semei) [The role of the social worker in organizing and conducting family crises group therapy (on the example of paternal families)]. *Nadezhdy*, Nizhny Novgorod, 2015, pp. 174–181.

20. Malyshev A.G. Vliianie genderno-chuvstvitel'nykh sotsial'nykh servisov (papa-shkol) na вовлечение otsov v zabotu o detiakh [Impact of gender-sensitive social services (father schools) on fathers' involvement in child care]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I.Lobachevskogo. Sotsial'nye nauki*, 2017, no. 1 (45), pp. 80–90.

21. Shevchenko I.O. Svodnye sem'i: otnosheniia i problemy [Step-families. Relations and problems]. *Vestnik RGGU. Filosofii. Sotsiologii. Iskusstvovedenie*, 2016, no. 4 (6), pp. 61–68.

22. Chernova Zh.V., Shpakovskaia L.L. Molodye vzroslye: supruzhestvo, partnerstvo i roditel'stvo. Diskursivnye praktiki v sovremennoi Rossii [Young adults: Marriage, partnership, and parenthood. Discursive prescriptions and practices in contemporary Russia]. *Laboratorium*, 2010, no. 3. pp. 19–43.

Оригинальность 93 %

Получено 18.07.2017   Принято 30.08.2017   Опубликовано 30.03.2018

A.L. Yanak

PARENTHOOD AND FATHERHOOD TRANSFORMATION IN POSTMODERN SOCIETY

The paper considers key trends and qualitative changes in the development of modern parenthood. Such changes are assessed within the framework of competing crisis and transformational concepts of family development. It is noted that there takes place the redistribution of parental duties and responsibilities between fathers, mothers and formal care institutions, as well as the reduction of patriarchy in modern family along with women's masculinization. The backward process is the deviation of motherhood and gradual psychologization of father–child relationships, expansion of social practices of involved, responsible, reflective fatherhood and father associations (both real and virtual, such as forums, social networks). Fathers demonstrate an increase in paternal subjectivity and desire to develop their parental competence. These changes seem to be justified and relevant, taking into account global trends and transformation processes in the family and marriage sphere. An attempt is made to interpret the trend in question and transformations through postmodern concepts of pure relationships and transformation of intimacy (A. Giddens), liquid modernity (Z. Bauman) and the McDonaldization of society (G. Ritzer). The ambiguity and heterogeneity of the transformation and pluralization of paternity's social practices are emphasized, which are not to be qualified only as the destruction of parental and, in particular, paternal sub-institutions along with development of negative phenomena (fatherlessness, concubine paternity, childfree) or purely as a progressive force. Despite fairly radical changes, there is continuity, preservation of family foundation values, parenthood and childhood. It is necessary to constantly monitor the changes, integrate, design and popularize the image of positive paternity through the media and family policy.

Keywords: family, parenthood transformation, fatherhood, motherhood, parental responsibilities, family crisis, social practices pluralism, postmodernity.

Alina L. Yanak – Postgraduate Student, Dept. of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, e-mail: alinayanak91@yandex.ru.

Received 18.07.2017

Accepted 30.08.2017

Published 30.03.2018